

РОСТОВЩИЧЕСКИЙ И ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье исследуются исторические условия возникновения и эволюции рыночной экономики, включенной в качестве подчиненного элемента в структуру натурального хозяйства, которое доминировало в христианском обществе Средних веков. Представлена сложная «трехэтажная» структура докапиталистической экономики, куда входило натуральное хозяйство, простое товарное производство, торговый и ростовщический капитал, который замыкался на высшем уровне иерархии общества, обслуживая потребности государства, монарха, светского дворянства и духовенства. Капитал стремился встроить свои экономические интересы в государственные механизмы принятия решений на политическом уровне с целью получения своей доли участия в системе эксплуатации хозяйственных ресурсов. Показано, что ссудное дело и ростовщический процент как присвоение того, чего не существует по природе вещей, осуждались с позиции духовно-нравственных ценностей христианства. Обоснование Фомой Аквинским учения о том, что процент – это денежная плата за риск, который является средством возмещения несправедливого убытка, причиняемого должником кредитору, послужило способом приспособления католицизма к реалиям становящейся рыночной экономики.

1. Структура натуральной экономики и рыночного уклада докапиталистического общества

Ростовщический и торговый капитал, обслуживавшие натуральное хозяйство докапиталистического общества, построенного на принудительных отношениях личной зависимости, были опорными элементами специфической рыночной экономики. Собственников земли и труда отличало отсутствие целей, мотивов и стимулов к повышению производительности факторов производства, подобных тем, которые были внутренне присущи субъектам рыночной экономики индустриального капитализма. Капитал рационально высасывал «соки» из тех сфер докапиталистического общества, с которыми он соприкасался, в полном смысле слова иссушая эксплуатируемые им объекты. Сходство целей и мотивов собственников натурального производства, построенного на принудительном труде, с целями и мотивами ростовщических и торговых капиталистов состояло в том, что эти на первый взгляд, казалось бы,

разные субъекты принципиально одинаково смотрели на внешнюю среду, которую они подвергали эксплуатации. Им противостояли инородные объекты, которые должны были быть подвергнуты репрессиям и подавлению с целью хищнического извлечения значимого результата. Разница состояла только в том, что капитал действовал с помощью денег, а собственники земли с помощью прямого принуждения. Совместными усилиями они формировали под свои интересы специфический рынок, в основе которого лежало принуждение. Тацит (55–120) писал: «Говорят, что Рим несет побежденным народам культуру. Нет. Рим оставляет после себя пустыню».

Простое товарное хозяйство мелких владельцев отличается по характеру своей деятельности от торгового и ростовщического капитала. Вместе с тем эти три хозяйственные структуры были рыночными социально-экономическими укладами, подчиненными громадному массиву натурального производства рабовладельческого и феодального обществ. Эти рыночные уклады «тонули» в гигантском океане натурального хозяйства. Ф. Бродель (1902–1985) предложил оригинальную классификацию трех «этажей» доиндустриальной экономики. Первый «этаж» – это натуральное хозяйство, которое являлось потенциальным резервуаром для простого товарного хозяйства. Субъекты натурального хозяйства создавали натуральный продукт для внутреннего потребления с целью поддержания жизнеспособности членов общины. Второй «этаж» – простое товарное производство. Оба уклада соприкасались между собой на товарном рынке, если общины выносили избыток продуктов над потреблением на рынок.

Третий «этаж» – торговый и ростовщический капитал, который замыкался на высшем уровне иерархии общества, обслуживая потребности государства и элиты докапиталистического общества (светскую знать, духовенство). Господствующие сословия (элита) общества формировали цели государства, средства для их достижения, осуществляли политику. Капитал стремился встроить свои экономические интересы в государственные механизмы принятия стратегических решений на политическом уровне, с целью получения своей доли участия в системе эксплуатации хозяйственных ресурсов. Ф. Бродель называет данный уровень высшей иерархии общества *«царством изворотливости и права сильного»* [1, с. 220]. Он считал, что данная особенность общества существует как универсальное свойство не только в докапиталистических формациях, но также и в системах промышленного и постиндустриального капитализма. Ф. Бродель писал: «К доиндустриальной модели следует добавить третий сектор: нижний “этаж” “неэкономики”, своего рода гумусный слой, где вырастают корни рынка, но, не пронизывая всей его массы. Этот нижний “этаж” остается огромным. Выше него, в зоне по преимуществу рыночной экономики, множились горизонтальные связи между разными рынками; некий автоматизм обычно соединял там спрос, предложение и цену.

Наконец, рядом с этим слоем, или, вернее, над ним, зона “противорынка” представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу, как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее» [1, с. 220]. Система политической власти, господства и подчинения вытекает из принципов иерархии общества, определяясь правами исключительного суверенитета государства. Государство, допуская капитал экономических субъектов на уровень властной иерархии, объективно придает ему внеэкономический характер. Проблема слияния политической и экономической власти на уровне властной иерархии является сложной проблемой, которую конструктивно решают государства Новейшего времени. Для этой цели формируются демократические механизмы принятия политических решений и система разделения трех ветвей властей, которые осуществляют взаимный контроль деятельности друг друга.

В отношении простого товарного хозяйства, торгового и ростовщического капитала, несколько перефразируя слова К. Маркса, можно сказать, что они «существовали как боги Эпикура в межмировых пространствах». Большая часть продукта в докапиталистической экономике создавалась путем принудительной эксплуатации труда, поэтому рынок был не более чем вспомогательным средством для обслуживания деятельности громадного массива натуральной экономики. Ф. Бродель для объяснения сущности капитала в докапиталистическом обществе использует термин *стеклянный колпак* (*a bell jar*), который адекватно выражает функциональное место капитала в социально-экономической иерархии рабовладельческого и феодального общества. Капитал включался в общественную систему через мировоззренческий фильтр духовно-нравственной системы отношений между людьми. Вместе с тем капитал взламывал фундаментальные устои духовной сферы и нравственности религиозного общества. В рамках этих двух антиподальных состояний происходила эволюция общества. Капитал был относительно локализован от общества, отграничен от эксплуатируемой массы людей и материально-вещественных условий ведения натурального хозяйства. Обслуживая интересы элиты, капитал находился под своеобразным «стеклянным колпаком», функционируя обособленно от жизни подавляющей массы населения. Цели и интересы капитала не были ориентированы на стимулирование роста производительности факторов производства. Собственники земли, рабов и крепостных крестьян, а также торговые и ростовщические капиталисты были внутренне чужды формированию целей, мотивов и стимулов к эффективному труду. В этом заключалась специфика натурального хозяйства, рынка и капитала в доиндустриальной экономике.

Торговый и ростовщический капитал, независимые ремесленные и крестьянские хозяйства были включены в процесс обслуживания натуральной экономики, основанной на отношениях личной зависимости и внеэкономического принуждения к труду рабов и крепостных крестьян. Карл Поланьи (1886–1964) высказывал сходные с Ф. Броделем идеи о том, что все рыночные

структуры как подчиненные элементы натуральной рабовладельческой и феодальной экономики были надежно интегрированы в принудительную систему хозяйствования. Рыночные протокапиталистические структуры были адекватны доминантной внеэкономической системе социальной иерархии общества. Феномен их совместимости заключался в сложившемся типе рыночных структур, которые обслуживали с том числе и покупку-продажу людей (рабов и крепостных крестьян), используемых в натуральном производстве. Рыночные механизмы обслуживали интересы привилегированных слоев элиты докапиталистического общества и растущего населения городов. Однако этот тип рынка не являлся массовым, так как не существовало *массового покупателя, созданного только индустриальной экономикой капитализма*. По этой причине докапиталистический рынок, по мнению К. Поланьи, не обладал «внутренней тенденцией к расширению за счет остальных сфер» [2, с. 10]. Фильтр системы социальных и духовно-нравственных отношений ограничивал экспансию рынка на натуральную экономику.

2. Условия возникновения торгового и ростовщического капитала

Критерием вызревания товарно-денежных отношений в античной экономике является совершение срочных рыночных сделок с товаром и деньгами, что создавало экономические условия, порождающие торговый и ростовщический капитал. В воспроизводственном цикле рыночной экономики торговые и ростовщические посредники обеспечивают осуществление срочных кредитных сделок, которые при присвоении прибыли ведут к накоплению денежного капитала. Содержание деятельности обоих видов капитала определяет их место, функции и специализацию на рынке. Субъекты торгового и финансового посредничества ставят цели и выбирают средства для максимизации торговой прибыли и ростовщического процента. В производственной сфере натурального хозяйства, которое построено на принудительных отношениях, отсутствует производительный капитал, что оказывает воздействие на формирование торговыми и ростовщическими посредниками специфических целей и средств их реализации. Ростовщический капитал обслуживает цикл воспроизводства торгового капитала, который ведет *торговлю на дальние расстояния*. В процессе деятельности торговцев и ростовщиков происходит авансирование значительных денежных сумм, вкладываемых в товары, которые направляются на продажу с целью возврата первоначально авансируемого капитала с прибылью. Доходы торгового капитала возникают из разницы цен на покупку и продажу товаров на региональных рынках в условиях господства натурального хозяйства. Спрос на товары и деньги порожден потребностями продавцов и покупателей товаров. Ростовщический капитал использовался для покрытия разрывов ликвидности, которые возникали при авансировании торгового капитала и его возврате в процессе совершения срочных сделок. Рождение хрематистики как системы торгового и денежного посредничества в античной экономике означает создание инструментов срочного рынка капитала (векселя). На деятельность субъектов срочных сделок, нацеленных на присвоение прибыли, налагает жесткие ограничения духовно-нравственная система общества.

В городах, лежащих на перекрестках сухопутных и морских торговых путей, происходила «перевалка» грузов. В них концентрировались большие объемы торговых операций с деньгами и товарами. Торговля на дальние расстояния экзотическими товарами создавала благоприятные условия для накопления капитала и специализации субъектов рынка на выполнении специализированных функций в торговле товарами и деньгами. Значительные коммерческие обороты, концентрирующиеся в крупных городах, объективно вели к обособлению сферы обращения товаров, кредитования товарами и деньгами, от системы производства и потребления натуральной продукции. Это привело к возникновению посреднической торговли товарного и денежного капитала. Торговавшие товарами капиталисты-посредники создавали инфраструктуру воспроизводства торгового капитала. Ростовщики, являвшиеся посредниками в сфере денежного обращения, формировали инфраструктуру ростовщического капитала – банки и финансовые инструменты торговли, к которым относились коммерческие векселя и кредитные деньги (банкноты).

Торговый капиталист авансирует свой капитал на покупку товаров, которые он продает с прибылью на рынке. Формула $D - T - D'$ ($D + \Delta d$) отражает цикл воспроизводства торгового капитала. В товарно-денежном обращении торговые посредники создают инструменты коммерческого кредитования товарами. Денежный капиталист продает деньги заемщику в долг на условиях возвратности, срочности, платности, авансируя денежный капитал в рост под проценты. Формула $D - D'$ ($D + \Delta d$) отражает цикл воспроизводства ростовщического капитала. В срочных товарных и денежных сделках возникает разрыв во времени между стадиями авансирования капитала и конечной стадией получения прибыли или фиксации убытков. Торговый и ростовщический капиталы ведут специфическую деятельность по обслуживанию своих клиентов на срочном рынке товаров и денег, что отличает капитал от деятельности собственников земли и труда в натуральном хозяйстве и субъектов простого товарного производства.

В цикле воспроизводства торгового капитала объективно возникал разрыв во времени, который позволял ростовщическим посредникам эмитировать кредитные деньги (векселя) на срок, передавая их торговцу-должнику. Вексель ростовщика выполнял функцию безусловного требования к должнику выплатить кредитору указанную сумму денег и проценты по срочной ссуде. Создаются банковские структуры, которые привлекают сбережения, покупая свободные деньги у тех, кто имеет их в избытке, с целью выдачи кредитов заемщикам. Банковские векселя выпускаются банками под учет товарных векселей, которые выпускают субъекты, выдающие товарные коммерческие кредиты на условиях отсрочки платежа по взятым товарам в долг.

Ростовщики осуществляли срочные кредитные операции по финансированию государственных нужд, обслуживая цикл авансирования и возврата денежного капитала. При этом государство представляло ростовщикам гарантии возврата денег, которые для кредитора зачастую отличались большой

неопределенностью. Государство практиковало передачу ростовщикам прав на временную эксплуатацию земли, на которой работали рабы или крепостные, с целью ведения хозяйства и получения доходов. Существовала также система откупов, когда государство делегировало ростовщикам право на сбор налогов с населения.

Кредитная система срочных сделок, созданная капиталом, была обособлена от простого товарного хозяйства, где деньги использовались в функции средства обращения (по принципу «деньги на бочку») при обмене по формуле Т – Д. Существует фундаментальное отличие между срочными кредитными деньгами, которые использует капитал, и деньгами, выполняющими функцию средства обращения в простом товарном хозяйстве. Срочные и текущие сделки выполняют одни и те же деньги, но в двух разных функциях – соответственно средства отсроченного платежа и средства обращения. Государство создало бюджетно-фискальную систему по сбору налогов для осуществления расходов госбюджета. Деньги, бесплатно изымаемые государством в качестве налогов и бесплатно направляемые бюджетополучателям, – это те же деньги, которые применяются в кредитных операциях торгового и ростовщического капитала, где целью является извлечение прибыли.

Ростовщическое дело выводилось христианскими богословами за пределы отношений христианской общины и этически осуждалось как абсолютное зло. Ле Гофф писал: «Время лишь момент вечности. Оно принадлежит одному Богу и может быть только пережито. Овладеть временем, измерить его, извлечь из него пользу или выгоду считалось грехом. Урвать из него хоть одну частицу – воровством» [3, с. 155]. Необходимо уточнить, что по христианскому учению имманентное время, проживаемое земным человеком, не является моментом трансцендентной вечности. Текущее время противостоит вечности, как имманентное существование человека не тождественно трансцендентному Бытию. В приводимой цитате Ле Гофф дает позитивистское толкование соотношения времени и вечности в христианстве.

Христианская этика рассматривала ростовщика как аморального торговца деньгами, который торгует ожиданием присвоения денег в будущем и распоряжается временем, сотворенным Богом. Совершая кредитные операции, ростовщик по существу претендует на присвоение времени, которое сотворено Богом, но не принадлежит ростовщику. Христианство считает, что он крадет и использует в своих корыстных целях время, являющееся достоянием всех божественных творений. В своих трудах христианские теологи использовали идеи Аристотеля, который сравнивал ростовщиков с «держателями публичных домов». В 1179 г. католическая церковь ввела запрет на ведение ростовщического дела христианами. «В английской проповеди XIV в. можно прочесть, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, а дьявол – бюргеров и ростовщиков, а немецкая поэма XII в. утверждала, что четвертый класс, класс ростовщиков („Wuocher“), правит тремя прочими» [Там же, с. 244].

Рост богатства купцов и ростовщиков в городах позднего Средневековья (XIII–XV вв.) привел к их консолидации в сословие бюргеров. Из них был сформирован высший слой богачей (нотабли), который контролировал формирования аппарата городского самоуправления. Позднее городские бюргеры получили название *буржуа*. Консолидация социально-экономических интересов городских бюргеров привела к формулированию их требований к монархии, светским феодалам и католической церкви относительно распределения власти и собственности в обществе. Уже в период позднего Средневековья (XII–XIII вв.) города стали благоприятным местом, где пышно расцвели антихристианские ереси катаров, альбигойцев и вальденсов. К сторонникам еретических сект принадлежали не только горожане, но и крестьяне, небогатые рыцари, знатные светские дворяне и духовные лица. Против еретиков римские папы организовывали крестовые походы (1209–1229), ведя кровопролитные Альбигойские войны (по названию центра ереси – города Альби) на юге Франции. В течение многих столетий медленно и постепенно в городском бюргерском сословии росли претензии к социально-экономическому могуществу и политической власти короля, крупных светских феодалов и католической церкви в лице римского папы.

3. Формирование протобуржуазного уклада в городах феодального общества

В Средние века говорили: «Городской воздух делает человека свободным». Города были средоточием новых хозяйственных форм, там производились ремесленные изделия, действовали ярмарки, осуществлялось торговое и финансовое посредничество, возникали новые религиозные, экономические, социальные и политические идеи. В городах Запада с XII в. стали возникать университеты, наследуя традицию монастырей, которые в раннем Средневековье являлись центрами богословия и философии. Церковь осознавала, что в городах чаще всего формировалась благодатная почва для ересей и сектантства. Сектантские утопии расшатывали католическое мирозерцание. Сектанты выдвигали радикальные проекты переустройства мира на противоположных христианству принципах, закладывая принципиально иную традицию толкования духовной связи человека с Абсолютом, перетолковывая понятие Бога-Троицы. В основании радикализма сектантских утопий лежал манихейский дуализм, непримиримо противопоставлявший материальный мир как источник зла духовному миру, как средоточию вездомного Космического Блага. Сектанты считали, что лишь немногие избранные (посвященные) знают истину. Широкое распространение радикальных утопий в Европе осуществлялось через деятельность различных религиозных сект, которые оказали значительное влияние на десакрализацию религиозного католического мирозерцания Средневековья. В центре разнообразных сектантских картин мира стоял не Бог, а человек, избавленный силой своей свободной воли от внутренних самоограничений. Противопоставляя свободу своей воли Богу, смертный человек утрачивал чувство греха. Средневековье породило множество сект,

к которым относятся братья свободного духа, апостольские братья, альбигойцы, катары, адамиты, анабаптисты, табориты. Секты строили свое мировоззрение на еретических идеях «прельщения тварью» и «пленения собственной личностью». На Западе в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.) происходит ренессанс языческого мировоззрения. Богословы и светские интеллектуалы окунулись в изучение античной языческой философии, что в немалой степени способствовало возникновению ересей.

Целью радикальных ересей было воплощение в жизнь утопии построения *Царства Божия* на земле для посвященных, которых избрал Бог, посредством установления общности имущества и жен. Сектантские учения об избранничестве касались только тех немногих посвященных, души которых, по их представлению, были сотворены «благим Богом». Радикальные утопии утверждали, что в душах избранных посвященных находится Бог, поэтому «чего хочет человек, того хочет и Бог». Амальрик де Бен в XII в. говорил: «Кто следует закону любви, тот выше греха». Сектантские ереси по существу обосновывали культ греховных человеческих страстей. Концепции сектантских утопий исходили из аксиомы, что зло по причине его вечной субстанциальности в материальном мире не могло быть устранено из него. Избранные Богом, и потому являющиеся посвященными, утверждают добро посредством ликвидации «зла», которое, по представлению сектантов, олицетворяла система духовной иерархии католической Церкви и светской иерархии государства феодального общества. Радикальное сектантство угрожало фундаментальным основам феодального миропорядка, поэтому жестоко преследовалось духовными и светскими властями.

Средневековый город являлся клятвенным союзом христиан, которые были спаяны католическим вероучением и скреплены социально-экономической солидарностью корпоративных интересов членов городской общины. Городская христианская община противопоставлялась чужакам, т.е. в первую очередь нехристианам (нехристям), жила обособленной жизнью относительно сельских крестьянских общин и светских феодалов. Первоначально города принадлежали феодалам, которые были их владельцами и покровителями. Однако в период позднего Средневековья города разными способами добивались самостоятельности, чаще всего покупая ее за деньги. В некоторых случаях им удавалось силой вырвать право на городское самоуправление из рук светских феодалов, используя покровительство королевской власти. Получив городские привилегии, горожане создавали органы городского самоуправления, выбирали своих магистратов. В средневековых городах возник специфический хозяйственный уклад, который формировало сообщество городских бюргеров. Их цели и интересы отличались от сословных целей и интересов светских феодалов и крестьян, живших сельскими общинами.

Под давлением растущих потребностей бюргерской экономики городов, обслуживавшей усложняющуюся структуру феодального общества, католическая церковь искала возможности богословской интерпретации канониче-

ского права для того, чтобы христиане могли обходить духовно-нравственные запреты при занятии ссудным делом. Фома Аквинский (1225–1274) с точки зрения христианской справедливости осуждал ростовщический процент как присвоение того, чего не существует по природе вещей. Тем не менее Фома учил, что процент – это денежная плата за риск, поэтому он является средством возмещения несправедливого убытка, причиняемого должником кредитору. Фома Аквинский сформулировал фундаментальное значение идеи справедливости и тем самым внес вклад в формирование западной концепции христианского персонализма, в которой давался ответ на вопрос, как католицизму найти способ приспособления к рынку. Идеи Фомы были восприняты его последователями по схоластической богословской традиции и послужили основанием для дальнейшей философской интерпретации процента на капитал европейскими мыслителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV–XVIII вв.) : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1988. – Т. 2 : Игры обмена. – 632 с.
2. *Поланьи, К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / К. Поланьи // Альманах: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Вып. 2, т. 1. – С. 10–17.
3. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.

Поступила в редакцию 12.04.2021